

31 МАРТА ИСПОЛНИЛОСЬ 125 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ КОРНЕЯ ИВАНОВИЧА ЧУКОВСКОГО

РЕПИНСКИЙ ПЕРИОД ЧУКОВСКОГО

Корней Иванович Чуковский – знаменитый детский писатель. Не одно поколение называло его дедушкой Корнем, и сейчас «Крокодил», «Мойдодыр», «Муха-Цокотуха» остаются самыми любимыми детскими книжками. Переводчик, критик, литературовед – человек самых разнообразных талантов, – он, тем не менее, оставил самый глубокий след в литературе как сочинитель для детей.

С 1906 года по 1917 год Корней Чуковский с семьей – женой и тремя детьми – жил в Куоккала (ныне пос. Репино). Если говорить о современных границах поселков, то его дом – бывший дом Анненковых – находился в нынешнем Солнечном, на уровне ресторана «Оллила», но чуть ближе к заливу.

КРУГ ОБЩЕНИЯ МНОГОЕ ОПРЕДЕЛЯЕТ

До настоящего времени здание, где жили Чуковские, не сохранилось. А тогда оно стояло наискосок от «Пенат», и молодая семья очень дружила со всеми обитателями репинской усадьбы, включая ее хозяина. На знаменитых репинских средах собирался весь цвет творческой интеллигенции Петербурга – кого там только не было! Маяковский, Горький, Леонид Андреев, Федор Шляпин, Хлебников, Алексей Толстой, Куприн...

По воскресеньям знаменитое окружение перекочевывало в дом Чуковских. Такой порядок не менялся годами. Корней Чуковский очень дорожил этим кругом своего общения. Дорожил настолько, что решил оставить о нем память: собрал альманах воспоминаний, записок, автографов – знаменитую книгу «Чукокалла». Не исключено, что именно здесь у Чуковского, который долгие годы жил с комплексом простого происхождения, возникло острое желание дотянуться до уровня репинского окружения.

КАК СТАНОВЯТСЯ ДЕТСКИМИ ПИСАТЕЛЯМИ

Чуковский всегда был детским писателем, даже когда и не писал для детей. По авантюристичному, увлекающемуся характеру, причудливо сочетающему в себе самое серьезное отношение к воспитанию. По воспоми-

паниям дочери Лиды, он был центральной фигурой самых увлекательных детских приключений – наиболее авторитетной, бесстрашной и умелой. Как-то раз, когда небо затянулось тучами и все предвещало грозу, он посадил в лодку пятерых детей – своих и соседских – и вышел с ними в залив. Когда начался шторм, они были уже далеко от берега. Неимоверных усилий ему стоило причалить. Однако далеко от Куоккала. Их устроила к себе на ночлег финская крестьянка. Наутро, когда лодка все-таки пристала к родному берегу, весь пляж был заполнен родственниками детей – они стояли и напряженно вглядывались вдаль. Когда он понял, что люди находились здесь всю ночь, только тогда, наконец, осознал всю чудовищную нелепость своей затеи.

Морские прогулки были самым любимым способом его

рево рухнуло не на крышу. И ночью – никого не было возле».

КАК ЧУКОВСКИЙ ВОСПИТЫВАЛ СВОИХ ДЕТЕЙ

В то же время он был строгим воспитателем и не знал мелочей. Выгнанный из пятого класса гимназии по указу о «кухаркиных детях», он все, что узнал, узнал из книг, и притом сам, без учителей и наставников, постоянным напряжением ума и воли; он сам переступил порог, быть может, один из труднейших на свете: шагнул из мещанства в интеллигенцию. Всю жизнь владело им смирение и гордость самоучки: преувеличенное смирение перед людьми более образованными, чем он, и смиренная гордость за собственные, добытые вопреки помехам познания.

В юности по примитивному самоучителю он выучился английскому сам и испытывал счастливое изумление, перевода

А мы... Где там! Выученным английское слово он считал лишь в том случае, если мы знали его всякую минуту, в любом контексте, во всех видах и формах. А мы! Сегодня знаем, а завтра нет, в единственном знаем, во множественном – с запинкой. Неполный волевой напор, тленность вместо горения. Вялость вместо благородной охотничьей страсти.

– Вон отсюда! – кричал он, когда выяснялось, что Коля знает слово, но не помнит, как оно пишется. – Ничтожество! (Это было одно из его любимых ругательств.) В чулан! И сиди там, копти потолок, чтобы я не видел тебя! Так и умрешь лоботрясом», – вспоминает его дочь Лида.

СКУЧНО-НЕСКУЧНО

Обязательным в литературном воспитании ребенка он считал следование критерию: скучно-нескучно. В статье «Литература и школа» Корней Ива-

ходить, Свободною душой закон боготворить, Роптанью не внимать толпы непросвещенной» и т.д.)».

ПЛАТА ЗА ТАЛАНТ

Чуковский очень ярко и сконцентрированно жил. Его дочь вспоминает: «Воздух искусства был, прежде всего, воздухом труда. Друзьям Корнея Ивановича и ему самому случалось отдыхать, но не случалось бездельничать. В состав воздуха, окружавшего нас, входило и чтение импровизированных лекций в беседке у Репина, и чтение стихов, и разговоры, и споры, и игры в городки, и другие игры, главным образом литературные, но ни грана умственного безделья. В мастерской, в кабинете или на морском берегу (подозреваю, что и во сне) Корней Иванович и люди, его окружавшие, продолжали все ту же, неразлучную с ними работу души и мысли. Отдых людей, окружавших нас, нисколько не напоминал утех дачников и в особенности дачниц, дни напролет с полной серьезностью переворачивающих себя на пляже с одного бока на другой..., а вечерами прогуливающихся взад и вперед, в чайнии нечаянной встречи, по станционной платформе».

В куоккальском доме в заводе не было не только карт, но и папирос и вина. Вино к столу не подавалось ни в какие дни, ни при каких гостях, ни по какому случаю; хозяин не курил, а гостям курить хоть и разрешалось, но после ухода курильщика в доме происходило нечто вроде дезинфекции. Общепризнанных праздников, традиционных, в особенности семейных, не выносил совсем – если нельзя было превратить их в театральное представление, в острое соревнование собеседников, в общую игру.

Расплатой за повышенную впечатлительность, за одержимость трудом была тяжелая бессонница, которой Чуковский страдал с 25 лет до самой смерти. Ложась спать, он гасил свечу, но угасить работу воображения оказывался не в силах. Болезнь нередко превращала ежедневный труд в круглосуточный. Ночами обыкновенно он не сидел за столом, а работал лежа. Единственной его надеждой на сон было чтение. Не свое – чужое. Чтобы кто-то вслух почитал ему на ночь. Чаще всего в куоккальский, самый тяжелый период болезни, ему читала дочь Лида. Он ложился в 9, 10 часов, в Куоккале – в 8, вместе со своим маленьким сыном. Жадный до всякой новизны, он раз и навсегда отрубил от своего дня самое многолюдное время и всю увлекательную пестроту жизни.

В статье использованы отрывки книги Лидии Чуковской «Памяти детства».

Подготовила Лариса Голубева

В мастерской Репина в день смерти Толстого

времяпровождения с детьми. «Игру нашего детства было море», – пишет Лидия Чуковская. Он всегда во время этих прогулок читал стихи, которые считал основой воспитания души и творческих возможностей. А основой основ, фундаментом всего стихового воспитания детей от восьми до двенадцати и старше считал он баллады Жуковского.

ЗАЛИВ БЫЛ ЕЖЕДНЕВНЫМ ПРИКЛЮЧЕНИЕМ

«Страшно было просыпаться ночью от грохота волн и воя ветра, который, казалось, пробовал: прочно ли держится крыша? Еще страшнее, выйдя утром на крыльцо, увидеть ключья пены и какие-то обрывки водорослей, повисшие на пнях и кустах: тут ночью побывали волны! – увидеть и чудовищную, словно могила, яму, в которой медленно и неотвратимо скоплялась вода и над которой толстыми паучьими лапами топырились вырванные корни. А упавшие ели! Одна лежала на земле, другая, сломанная, держалась вкось, полулежа на уцелевших деревьях. Повезло: де-

Уолта Уитмена или свободно читая «Vanity Fair» Теккерера. В двадцать один год он отправился в Лондон корреспондентом одесской газеты; просижив там с утра до вечера в библиотеке Британского музея – учился, наворачивал упущенное.

«Я с остервенением сажусь за свои книги, – писал он в 1904 году из Лондона в Одессу своей молодой жене. – Я бесконечно учу слова (их уж очень немного), я читаю в постели, за обедом, на улице. В музей я прихожу в 9-10, а ухожу после звонка». И посылал ей слова к книге Карлейля: «Выучи их раньше, а потом берись за чтение».

Теперь метод, применявшийся им когда-то к себе: каждый день выучивать десятки слов, – метод, каким он когда-то обучал свою жену, он применял к своим детям.

«В одной английской книжке, сохранившейся до сего дня, красным карандашом его рукой подчеркнута: «Какое бы дело ему не приходилось тащить, он тащил, как четверо коней в одной упряжке». Так было всю его жизнь. Того же он ожидал от нас.

нович упрекает школу в недостаточном внимании к возрасту, в неумении перекинуть мост между восприятием двенадцатилетних и литературой. Школьники не читают стихи для своего удовольствия, а лишь зазубривают их ради пятерок. Между тем «литература не таблица умножения: ее нужно не зубрить, а любить». Начал бы, например, учебник открытие Пушкина со стихов, какими дети могли бы зажечься, а то детям навязывают ранние, архаичные, отвлеченные пушкинские стихи, отпугивающие их от себя медлительностью, умственностью. Не хронологии пушкинского творчества должен подчиняться учебник до поры до времени, а хронологии ребяческого восприятия.

«Нужно свирепо ненавидеть и Пушкина, и наших детей, – писал Чуковский, – чтобы предлагать двенадцатилетнему школьнику... архаический текст, полный славянизмов и непостижимых метафор». (Он цитировал: «Я здесь, от суетных оков освобожденный, Учуся в истине блаженство на-